

18+

12

Ульяна Соболева

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ

Тьма в его глазах

Ульяна Соболева
Черные вороны 12.
Тьма в его глазах
Серия «Черные Вороны», книга 12

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69207148
SelfPub; 2023*

Аннотация

Максим Воронов восстал из мертвых, но он больше не тот, каким его знала Дарина. Он потерял память и из его жизни стерлось более двадцати лет. Он больше не испытывает эмоций и не имеет привязанностей. Он – хладнокровный, запрограммированный на полное уничтожение убийца-одиночка. От его кровожадной жестокости содрогнутся даже те, кто знали, на что он способен. Сможет ли Даша вернуть его любовь или возродить её снова? Настоящие чувства живут в памяти или в сердце? Или это конец, и их одержимость друг другом осталась в прошлом... Римейк Любви за гранью! Повторение текста!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	55
Глава 6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ульяна Соболева

Черные вороны 12.

Тьма в его глазах

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ 12. ТЬМА В ЕГО ГЛАЗАХ

Ульяна Соболева

(При участии Вероники Орловой).

Аннотация

Максим Воронов восстал из мертвых, но он больше не тот, каким его знала Дарина. Он потерял память и из его жизни стерлось более двадцати лет. Он больше не испытывает эмоций и не имеет привязанностей. Он – хладнокровный, запрограммированный на полное уничтожение убийца-одиночка. От его кровожадной жестокости содрогнутся даже те, кто знали, на что он способен.

Сможет ли Даша вернуть его любовь или возродить её снова? Настоящие чувства живут в памяти или в сердце?

Или это конец, и их одержимость друг другом осталась в прошлом...

Глава 1

Я всегда любил женское нижнее бельё. Даже будучи маленьким нищим бродягой, я любил подсматривать за тем, как девушки купались в реке или мылись на заднем дворе своего дома, спрятавшись за толстой тканью, натянутой между двумя деревьями. Смотрел в основном на тех, кто ещё не успел раздеться и фантазировал о том, как они выглядят без этих кусочков ткани на своём теле.

Куда интереснее фантазировать о том, что скрывает одежда, чем видеть выставленные напоказ достоинства, ведь секс зарождается именно в голове.

С возрастом мало что изменилось. Правда, теперь я не скрывался, теперь они раздевались прямо при мне, сексуально извиваясь, и я просто обожал смотреть, как они поддевают тонкими пальчиками ажурные трусики, облегающие соблазнительные задницы. Женщину можно заставить стать мокрой, даже не прикасаясь к ней. Даже когда на ней самое обычное домашнее платье. Достаточно смотреть на неё так, будто она уже стоит перед тобой в кружевном белье. Смотреть так, чтобы она видела не только твою похоть, но и те картинки, что видишь ты сам.

Я дотронулся до красного кружева и стиснул зубы, невольно представив, как оно смотрится на теле Дарины. Да, как

только она ушла, я решил осмотреть свою комнату и залез в комод с её нижним бельём. Чёрт, девочка явно одевалась для меня. Точнее, раздевалась для меня. Черное, красное, бордовое оттенялось редкими оттенками сиреневого и синего. Чулки. Грёбаное море чулок, от вида которых в паху прострелило нереальным возбуждением.

И везде её запах. Он лишает контроля, он выбивает почву из-под ног. Особенно, когда понимаю, что она недалеко. В одном здании со мной, и это будоражит. Это заставляет сжимать кулаки, чтобы не броситься искать её. Для себя.

Так, нужно отвлечься, иначе я с ума сойду. В этой комнате слишком много секса. Здесь им пропитано всё. Даже вешалки в шкафу. Взгляд зацепился за закрытую шкатулку на трюмо. На её крышке лежал браслет в виде переплетённых цветочков. Работа явно выполнена на заказ. На изнаночной стороне надпись «я буду любить тебя вечно». Первая мысль — что за сентиментальная хрень?! Потом осознал, что вряд ли моя жена стала бы хранить подобные подарки от других мужчин в нашей спальне. И в таком случае... чёрт, каким наркотиком меня пичкает эта малышка?

Хотя, с другой стороны, если она считала, что я умер, то вполне могла позволить себе принимать подарки от любовника. Сунул безделушку в карман, решив узнать всё позже из первых уст.

Мне нужно было осмотреть дом. Правда, вначале я подошёл к двери, за которой явно была моя супруга, потому что я слышал её приглушённый голос – говорит по телефону. Приложил руку к деревянной поверхности, думая о том, что мне ничего не стоит выбить её на хрен, чтобы показать девочке, как сильно она ошибается, думая, что может убежать от меня. Усмехнулся, вспомнив, как расширились её глаза, пока она пятилась к двери, оставляя меня в спальне. Она боялась, но Зверь чуял, что добыча боялась не его, а себя саму.

Что ж, Зверь, а чего ты ожидал? Твоя новоиспечённая супруга, похоже, такая же ненормальная, как и ты.

Почему-то в голове её голос раздался «Возможно, ты никогда не насиловал ДРУГИХ женщин». И это её «ДРУГИХ» эхом отдаётся, обивается набатом. И от мысли, что мог брать её силой, становилось не по себе. Я знал, что такое насилие. Это больше, чем адская физическая боль. Это больше, чем слёзы, окаменевшие в горле и раздирающие его на ошмётки. Это унижение, смешение человека с грязью под ногами, в которой не хочется пачкать подошвы сапог. И это признание собственной неполноценности перед жертвой для самого насильника, даже если он пытается проявить таким образом свою мощь.

Чёрт! Я спрошу у неё об этом вечером как раз после разговора со Стефаном. Дааа, такими темпами у меня к ней длинный список вопросов накопится, а ведь моя Шахерезада обещала еще и продолжение нашей с ней истории рассказать

этой ночью.

Я прошёл дальше по коридору и толкнул ближайшую дверь, вошёл в неё и замер, разглядывая тёмно-синие аскетические стены с чёрными шторами. Минимум мебели, один шкаф для одежды, второй для книг. Очень много книг. И всего одна большая фотография на полке. Взял её в руки. Очень похоже на портрет. Да, я ошибся. Это был портрет красками. Я с Дариной и детьми. Я сижу в кресле, Даша с бесконечной нежностью улыбается художнику, стоя позади меня и обвивая руками мою шею. На моих коленях девочка...дочка, сказала она. Таисия. Она сидит боком, склонив светловолосую голову на мою грудь и глядя хитро исподтишка на художника. Маленький мальчик стоит рядом с креслом, вскинув головку кверху, и с каким-то восторгом смотрит на Дарину. Так обычно сыновья в раннем возрасте смотрят на матерей. Влюблённо, восхищённо и с выражением благоговения. Я сам когда-то смотрел так на свою собственную мать и мечтал убить каждого мужчину, который уходил, оставляя её в слезах. Я был бы самым юным серийным убийцей в истории Земли, так как таких ублюдков в её жизни было слишком много.

Провёл пальцами по изображению, напрягая голову. Ну же, Зверь. Вспомни. Посмотри! Ты мог забыть этот камин рядом с креслом, мог забыть свой черный свитер с воротни-

ком под горло, мог забыть эти белые шторы. Но как ты можешь не помнить чувство абсолютного умиротворения, которым веет от этой картины? У тебя, мать его, никогда его не было! Ты не имел права забыть то счастье и гордость, которые светятся в твоём взгляде! В глаза бросилась собственная ладонь, которой я на портрете прижимал к себе девочку, и я подумал о том, что ей очень подходит быть Принцессой. Отложил в сторону картину.

Пробарабанил пальцами по корешкам книг. Она сказала, что он приемный... и в тоже время он мой. И он на меня похож... Старший сын, а я был уверен, что это именно его комната, явно был развит разносторонне: самые разные жанры, от классики до современной литературы. Открыл верхний ящик книжного шкафа и увидел фотографии. И на всех – мы вдвоём. Вот он, помладше, сидит на мне верхом, а я лежу на зеленом газоне. Он весело хохочет, настолько заразительно, что кажется, и солнечные лучи смеются вместе с ним.

Дьявол, кто же такая эта Дарина? Столько вопросов самому себе, что от них начинает раскалываться голова.

На другом фото мальчику уже лет двенадцать, он стоит, иронично вскинув бровь и сложив руки на груди, и я вздрагиваю, потому что снова вижу в нём самого себя. Что я испытываю, общаясь с ним? Гордость? Радость? Я никогда не думал об этом.

О том, каково это быть отцом.

Достал все фотографии из ящика и начал расставлять их

на полке. Кем бы я ни был, сколько лет жизни ни стерлись бы из памяти, я не хотел оставаться воспоминанием в ящике книжного шкафа собственно сына.

Покинул его комнату и спустился по лестнице вниз. Поймал за руку того немолодого слугу, который целовал мне руку.

– Глеб?

– Да, господин, – он усердно закивал головой, пряча странную улыбку за усами.

– Проводи меня в мой кабинет.

Он удивленно вскинул брови, но коротко кивнул и, приглашающе махнув рукой, припустил впереди меня, слегка подворачивая правую ногу.

Остановился возле темной двери с круглой чёрной ручкой и, отойдя в сторону, вдруг схватил меня за рукав рубашки и начал причитать:

– Господин, я так рад... Мы так рады. Господин, мы ведь уже все..., – смахнул пальцем выступившую слезу, – а госпожа не верила. Мы видели. Они все верили, а она нет. Выгоняла соболезнующих. Отключила телефон, чтобы никто не звонил.

– Зачем она отключила телефон? – я осторожно высвободил свою руку, думая о том, что болтливые слуги в доме – это катастрофа. Хотя сейчас мне это было на руку.

– Они все звонили и соболезновали. А она, – его голос

дрогнул, сделался восхищённым, — она им всем говорила, что вы живы, и что она не собирается тратить время на их глупые разговоры.

— А почему твоя госпожа не верила?

— Я всегда говорил жене, что между вами божественная связь. Что госпожа чувствует вас на расстоянии, а вы её. Так и получилось, господин. Так и получилось!

Он снова радостно заулыбался, а я сдержанно кивнул ему и махнул рукой, отпуская.

Интересно, значит, меня заживо похоронили все мои знакомые, и только Дарина верила в то, что я не умер. Но почему? По ее словам, меня не было целый месяц. Тридцать дней я не выходил на связь ни с кем, и они решили, что меня больше нет.

Так она сказала мне в машине по дороге домой.

«— Скажи... Расскажи, что с тобой случилось, Максим? Почему тебя так долго не было? Где ты был?

— А сколько меня не было, куколка?

— Месяц, — её голос задрожал, и она еще сильнее стиснула пальцы, — чёртов месяц, день за днем, час за часом я ждала от тебя хотя бы одного слова. Хотя бы простого «я жив»..., — отвернулась, пряча слёзы, выступившие на глазах.

— Ошибаешься, девочка, — я склонился к ней, обхватывая ладонью побелевшие пальчики, — меня не было гораздо дольше. Так я, по крайней мере, чувствую.

– Сколько? – выдавила из себя, не убирая руку, и я улыбнулся, поглаживая большим пальцем её ладонь.

– Минимум, лет двадцать. Я не могу сказать точно. Но то, что вижу на улицах сейчас, изменилось явно не за пять лет...

– Но что произошло с тобой? – она резко подняла ко мне лицо, – С какого момента ты помнишь себя?

– Я не знаю. Я помню, как очнулся в зловонной подворотне, из которой валил такой смрад, что тянуло выблевать свои же кишки. Вот только, – сам не заметил, как стиснул маленькую руку, вспоминая, – я не мог сделать даже этого. Я не мог пошевелиться. Даже моргнуть. Я лежал живым трупом, – она громко и рвано выдохнула, и я убрал свою руку, – чёртову уйму времени и слушал, что происходит вокруг меня. Мне повезло, что в том районе такие узкие улицы и высокие здания с навесными крышами на первых этажах, что туда даже свет не пробивался. Первым, что я увидел, открыв глаза, была жирная серая крыса с облезшей на боках шерстью, а я был невыносимо голоден».

При воспоминании о том, как вгрызался клыками в подобную тварь, затошнило, и я потянулся к портсигару, стоявшему на тёмном дубовом столе. Достал сигару и, покрутив её в пальцах, поднёс к носу, вдыхая запах. То, что доктор прописал. Лучшее лекарство от амнезии, мать вашу!

Повернулся к бару, на котором стояла бутылка виски и

стакан.

— Что ж, Макс, в этом доме есть практически всё, что нужно тебе для счастья: виски, сигары и сногшибательная женщина... Какой же твари на этот раз ты перешёл дорогу, что тебя попытались лишить не просто жизни, но и памяти обо всей этой роскоши?

Впрочем, в случае со мной вопрос был риторическим. Легче сказать, кому я нравился, чем перечислять имена тех, кто меня ненавидел. Язык можно было бы сломать.

На мгновение мелькнула мысль, что моим несостоявшимся убийцей вполне могла бы быть та же Дарина. Супруга Максима, которого звали не иначе как Зверь. Разве нужна большая причина для того, чтобы желать ему смерти? Наверяд ли. Вспомнилась её реакция в клубе. Сосредоточился, пытаюсь определить, чего больше было в ней: испуга или радости. Но нет, слишком искренними мне показались её поцелуи и слёзы. А ещё я вспомнил её боль. Как ощутил её, будто свою. Будто это у меня сердце кто-то схватил ледяными пальцами и резко дёрнул вниз, обрывая с корнями.

«Я всегда говорил жене, что между вами божественная связь. Что госпожа чувствует вас на расстоянии, а вы её».

Все мои связи с Богом заканчивались на выкриках шлюх, иступленно взывающих ко Всевышнему в то время, как я их трахал. И о чём говорил слуга, я понятия не имел, но на

хорошо разыгранный спектакль сегодняшний день не походил. Да и смысла никакого не было в подобной постановке.

На отполированной поверхности стола ни пылинки – слуги неплохо сработали, учитывая, что еще час назад все они считали меня мёртвым. Значит, знали, что скоро спущусь сюда. Что же, в этом доме мне не только были рады, но и изучили все мои привычки. Кем же ты стал? Кто-нибудь ответит мне на этот вопрос так, чтобы не породить цепочку других?

На столе стоял ноутбук. Открыл крышку и в нетерпении забарабанил пальцами. Я смутно помнил, что нужно делать дальше. Вспомнилось, как после секса и плотного завтрака с куколкой, а, вернее, самой же куколкой, наугад тыкал пальцами во все кнопки, проклиная сам себя, пока не выключил его окончательно.

Но вот мой собственный ноутбук сейчас требовал какой-то пароль, и я понятия не имел, что тот эммм Воронов какого хрена у меня эта фамилия предстоит еще выяснить... так вот какого хрена тот Максим Воронов, о котором мне все сегодня рассказывают, мог вбить в строку. Я пробовал все варианты, которые приходили в голову: от имени матери, которое оказалось слишком коротким, до «СдохниВоронов», но ни один не подходил. Отпил виски, вбивая

теперь уже, скорее, по инерции «Сиськи4размер» и «Зверь-сексмашина», когда голову посетила идея. Достал из кармана браслет и усмехнулся, глядя на него. Судя по всему, неизвестный мне Макс вполне мог использовать какую-нибудь ванильно-сентиментальную смесь в качестве пароля. Набрал «Дариналюбимая». Безрезультатно. Было бы слишком просто, правда, Зверь?

Не знаю, каким образом, но видимо, мышечная память всё же сильнее образной... Я даже не успел подумать... Просто представил, как бы мог произнести эту фразу... если бы мог произнести подобную чушь вообще. Мне показалось, что она звучала бы естественно... «Ябудулюбитьтебявечно».

И вуаля – Макс, ты гений! До тошноты, омерзительно сентиментальный, но гений! Поднял бокал за собственное здоровье и интеллект, мысленно пожелав себе долгих веков жизни и крепкой памяти, и едва не подавился, увидев фотографию Дарины на заставке рабочего стола.

Эта женщина однозначно меня регулярно опаивала колдовскими зельями, иначе я всё это объяснить не мог. Потому что всё это было не про меня и не обо мне. Слуги, плачущие не от страха, а от радости, украшения с признаниями любви, фотографии... и дети. Самое главное – дети, которых я на этих фотографиях целовал, обнимал, играл с ними.

Я думал, что неспособен на это. Точнее, я знал, что неспособен. Я был кровожадной тварью, делившей мир только на тьму и свет. Тварью, которая видела чёрное даже на белом,

с извращёнными понятиями добра и зла. Из остальной палитры я предпочитал только цвет крови. Только ему позволялось окрашивать яркими алыми пятнами мой холст. Всё предельно понятно лично для меня. Есть я и есть враги. Все остальные. Абсолютно все. Потому что каждый из тех, кто сегодня мне улыбается, завтра будет смеяться, вонзая мне нож в спину. Я не навязывал своё мнение никому, и в то же время считал идиотами всех тех, кто верил в добро, доверие, судьбу, любовь и другие бредни, созданные для слабаков. Для тех, кто надеется на прощение и взаимопонимание, на справедливость и благородство... Я же привык надеяться только на себя.

Я слишком часто видел подлость, прикрытую тем самым благородством, и распущенность, спрятанную за ширмой благочестия, чтобы верить в светлое. Только мрак. Он честнее. В нём ты всегда готов к нападению и предательству со всех сторон, вооружённый и оскалившийся.

Я не хотел сейчас смотреть фотографии, несмотря на то, что видел папку с ними. Слишком много вопросов породили те, что я уже видел, и мне следовало сначала получить ответы по ним. Щёлкнул на значок браузера и снова потянулся за бутылкой, чтобы наполнить бокал, когда заметил одну из новостей над поисковой строкой: «Сумасшедшая жена олигарха устроила представление на похоронах мужа». Зашёл по ссылке и зашипел, увидев кадр с Дариной в красном об-

легающем платье и с бокалом в руке.

«Жена олигарха Максима Воронова сорвала похороны собственного мужа. Смотреть видео».

Ещё щелчок мышкой, и я ощущаю, как зашевелились от странного ужаса волосы на затылке. Не каждый день читаешь про собственные похороны. А потом ужас сменился удивлением, и откровенной злостью, пока смотрел, как моя маленькая хрупкая жена стояла в окружении целой стаи хищников, голодных, злых, чёрных, с маской непонимания и жалости на лице они осуждали её наряд, осуждали бокал в руке и то, как она скинула мой портрет с крышки гроба на землю. Звука на видео не было, кадры плясали, видимо, съёмка велась подпольно, но я видел отчаяние на лице Дарины. Отчаянную решимость, я бы сказал. Такая миниатюрная и в то же время сильная. Сильнее них всех. Она не просто сорвала церемонию, она выгоняла всех этих шакалов, пришедших не скорбеть, а злорадствовать. Я знал это, потому что видел слишком много знакомых лиц. Тех, кто мог только ненавидеть меня, но никак не оплакивать. И дети...чёрт, я видел слёзы на лицах своих детей. Единственные, показавшиеся искренними, и сердце защемило от той боли, что отражалась в их глазах. Наверное, так и выглядит искреннее горе. Оно проступает слезами ребенка над телом родителя. Я смотрел на них и содрогался, так как видел на их лицах свою смерть. Не в гробе, не в фотографии, перевязанной траурной лентой...И, черт подери, внутри снова разливалось теп-

ло от осознания, что кому-то моя жизнь всё же не была безразлична.

Дарина швыряла в толпу венки, а я еле сдерживался от того, чтобы не броситься сейчас наверх к ней, не прижать к себе, стирая поцелуями те слёзы, что видел сейчас на видео.

А потом камерахватила потрясённое лицо Андрея, который прижимал к себе мою жену, пока та рыдала у него на плече. В груди зародилось рычание и появилось желание откинуть его от неё, чтобы не смог касаться моей женщины своими грязными лапами. Что вообще этот ублюдок делал на моих похоронах? Пришёл убедиться в своей победе?

Сжал в руке бокал так сильно, что он лопнул в ладони. Самое смешное – Воронов никогда не воевал со мной. Войну вёл всегда я один. Так что, это, скорее, дань его обязанностям. Если моя жена утверждает, что я стал одним из них, то главарю Воронов волей-неволей пришлось присутствовать на этой церемонии.

В этот момент в дверь постучали.

– Заходите, – крикнул, доставая из кармана платок и вытирая руки.

– Господин, – в кабинет уверенным шагом вошёл Радич. Так, будто не раз и не два бывал здесь. Остановился напротив стола, абсолютно безучастно оглядев осколки бокала на полу.

– Мы же договаривались на вечер, если мне не изменяет память, – сказал и тихо чертыхнулся собственным словам.

Ищейка сделал вид, что не заметил, и коротко кивнул.

– Но мне нужно было обсудить с Дариной кое-какие вопросы.

– С Дариной?

– Да.

– То есть ты приехал пораньше, чтобы решить какие-то дела с моей женой в то время, как я находился тут?

Радич прищурился, начиная понимать, что мне не понравились его слова. А мне чертовски не понравилось, что какой-то «лайка» может приходить к моей жене без моего ведома.

– Вы сами в свое время приказали мне обсуждать все возникшие деловые вопросы именно с ней.

– Я полагаю, что незадолго до моей мнимой смерти?

– Нет, – он пожал плечами, всё так же безучастно глядя мне в глаза, – задолго до нее. Более пяти лет назад, господин.

Я сжал руки в кулаки, желая ударить этого выродка и сбить с него эту невозмутимость.

– И что именно ты обсуждал с моей женой, Радич?

– Как вы, наверняка, догадываетесь, вашу смерть и чудесное воскрешение.

Ну же, прояви хоть каплю чувств, ублюдок. Никогда не

ненавидел его абсолютно безразличное выражение лица так, как в эту минуту. Наоборот, мне всегда оно было на руку. Иногда оно могло смениться страхом – в моменты, когда наши дела шли не так хорошо, как мы планировали. И Радич знал, что я не пощажу его, несмотря на всю уникальность его роли в наших операциях.

Но сейчас хотелось смахнуть это равнодушие с его лица кулаками.

– Я жду подробностей, Стефан. И ты, как никто другой, знаешь, что я не люблю ждать.

Он снова лишь кивнул и заговорил:

– Мы нашли все спрятанные вами трупы и вашу ДНК на каждом из них. Как вы понимаете, менты не могли остаться в стороне от такого количества человеческих жертв и уже предъявили ультиматум: либо она находит убийцу, либо они обращаются к спецслужбам.

– Ну что же, она его нашла, – вскинул руки в стороны, – проблема решена, так ведь?

– Мы полагаем, что они захотят лично разобраться.

– Хорошо, – я медленно выдохнул и шагнул к нему, – ты хочешь сказать, Радич, что ты, – еще один шаг, – обсуждал вопросы моей безопасности за моей же спиной? – обошёл стол и остановился напротив него, – И с кем, твою мать? С женщиной?

Вцепился в его горло ладонью.

А этот ублюдок лишь расхохотался, захрипев.

— С женщиной, которая вытащила вашу задницу из самого Ада, — я ослабил хватку, чтобы этот придурок мог говорить громче, и он, откашлявшись, продолжил, — с женщиной, которая вела все ваши дела на протяжении полугода, пока вас не было, — серб усмехнулся уголком губ, будто припас напоследок нечто мощное, — с женщиной, которая в одиночку убила Зарецкого, поставившего на колени всю вашу семью. Зарецкого, которого не смогли убить в свое время даже вы...

Я машинально опустил свою руку и засмеялся, откинув голову назад. А потом резко замолчал, поняв, что он не шутит. Чертов Ищейка не шутит. И теперь уже в его глазах затаился смех, который он всё же догадался спрятать, опустив взгляд в пол.

— Расскажи мне о ней, Радич. Расскажи мне всё, что ты знаешь о моей жене и обо мне.

Я прошел к бару и достал два бокала, приглашающим жестом указав ему на стул напротив своего кресла.

Глава 2

Мы просидели с Ищейкой до утра, и после того, как он уехал, я направился наверх, правда, перед этим зашёл на кухню, которую обнаружил по запаху. Видимо, у нас часто бывают видные деятели. Как только вошёл в помещение, все работники в белых халатах и черных фартуках остановились и замолчали, смиренно опустив головы.

– Ты, – поманил к себе пальцем шатенку с приличным бюстом – я проголодался.

– Господин, – вперед выступил всё тот же Глеб, – я покажу вам... я приготовил уже для вас еду. Пройдёмте со мной.

Полоснул по нему замораживающим взглядом, и он осёкся.

– Я сказал, что она покажет мне, где я могу пообедать.

Подхватил под локоть девушку и потащил за собой. Мне понравилась идея опрокинуть ее в каком-то углу этого дома, если моя так называемая жена решила держать меня от себя подальше. Может мы вообще с ней на грани развода.

От нее вкусно пахло.

– Господин, позвольте, я буду идти впереди.

Она томно вздохнула, и я сцепил зубы, когда её соблазнительная грудь колыхнулась в вырезе халата. Всё чертова Дарина! Возбудила так, что я, словно пацан, реагирую на каж-

дую самку. Именно самку, потому что девка призывно провела языком по пухлым губам и, дождавшись моего молчаливого кивка, виляя бёдрами, пошла впереди меня вниз, куда-то в подвал.

– Господин... Максим, – прошептала на выдохе, жеманно развернувшись ко мне лицом и касаясь своей грудью, когда я остановился вслед за ней возле какой-то двери, – вот ваша..., – снова обводит язычком губы, и я улыбаюсь, видя призывный блеск её глаз, – комната... другая. Вы иногда здесь ночевали.

– Давай. Иди на кухню. Я сам разберусь. Пусть мне принесут завтрак чуть позже!

Всё как всегда – даже немного скучно. Никакой интриги, никакой игры. Сучка течёт, откровенно предлагая себя, и единственная неизвестная в этом уравнении – захочу ли я, чтобы моя новоиспечённая жёнушка унюхала на мне запах секса с этой шлюшкой? Задумался и понял, что не хочу – мне еще многое предстоит узнать именно от неё. И потом, куда интереснее охотиться за сильной жертвой, той, которая не даётся в руки так просто. Именно такая и ждала меня наверху.

Есть женщины на один раз, и неважно, чем он кончится – моим или обоюдным оргазмом, лишь бы тебе было хорошо. А есть такие, каждая встреча с которыми вызывает не удовлетворение, а болезненное желание новой встречи. И сейчас я стоял перед дверью комнаты, в которой была именно

такая женщина. Постучал в неё.

– Невежливо так надолго оставлять гостей одних, Дарина.

Я его шаги слышала еще до того, как их действительно стало слышно. Я ждала, что он придет сам. Так правильно дать ему это время прийти в себя, осмотреться в доме... и самому захотеть увидеть меня. Конечно, не потому что хотел именно этого, а, скорее, за очередными ответами, которые я ему обещала. Когда мне будет нечего рассказывать, придет ли он ко мне вот так непринужденно? И снова дикий страх, что я не справлюсь, что он никогда не полюбит меня так, как любил раньше. А мне будет мало всего остального, невероятно мало иметь несчастный клочок земли после того, как имел целую Вселенную.

Поправила юбку и блузку, застегнутую на все пуговицы и при этом подчеркивающую каждый изгиб тела. Я все утро выбирала одежду. Переодеваясь снова и снова. Потому что отчаянно хотелось увидеть мужской блеск в его глазах, и в тот же момент именно сейчас эта реакция была для меня самой ненавистной. Так как не выделяла меня из серой массы всех тех, кто сходил по нему с ума.

Выдохнула и распахнула дверь.

– Доброе утро, Максим. – на секунду перехватило дыхание от его взгляда, от присутствия, от близости и еще одного осознания – ЖИВОЙ! Здесь! Со мной!

Невольно улыбнулась ему, задыхаясь от счастья и сжимая до хруста пальцы, потому что так сильно захотелось обнять его, вот такого слегка заросшего, со взъерошенными волосами, в моей любимой синей рубашке с распахнутым воротом. Подавила порыв чудовищным усилием воли.

– Ты не гость в этом доме и свое одиночество ты мог прервать в любое время, что ты, впрочем, и сделал.

А потом я почувствовала этот запах... запах чужих духов. Запах женщины.. Медленно подняла взгляд и посмотрела ему прямо в глаза, чувствуя, как сердце бьется где-то в висках. От понимания и от того, как потянуло обратно в пропасть, окунуло в его прежний мрак. Словно везде внезапно выключился свет, и я стою в крошечной темноте с широко открытыми глазами.

– Я смотрю, ты уже даже позавтракал?

Какая всё же она красивая. Дьявол! А я ведь позабыл, насколько она яркая, за эти часы, проведённые с Ищейкой. Насколько, что дух захватывает и хочется зажмуриться, чтобы не ослепнуть. Да, девочка, ты всё правильно поняла. Только не до конца, так ведь? И наверняка захочешь узнать больше. Если только всё это правда – твоя сказка про нереальную любовь ко мне.

Зашёл в комнату, не дожидаясь приглашения, стиснув ла-

дони в кулаки, когда ненароком коснулся её груди рукой.
– Можно сказать, хотел перекусить, но передумал.

Я очень медленно выдохнула, стараясь держать себя в руках... Он другой. Не помнит. Не виноват. И тут же ярость как хлыстом по нервам – это ничего не меняет. Его неведение ничего не меняет в глазах тех, кто живёт под одной с нами крышей. Только не здесь. Господи! Только не в нашем доме! И не смогла сдержаться, резко повернулась к нему:

– Максим, я понимаю, что ты не помнишь последние несколько десятков лет, – смотрю прямо в глаза и чувствую, как пересыхает в горле от этого наглого взгляда, и сердце сжимается от гнева, от мысли, что где-то в доме ходит та к кому он сейчас приставал и я понятия не имею что именно с ней делал, – но даже, если опустить, что ты привык жить по своим законам... Зачем нарушать наши в собственном доме? Зачем..., – я не могла подобрать нужного слова, а мне хотелось его выпалить..., – зачем разводить грязь там, где ты живешь? ЭТО ТВОЙ ДОМ. Люди, которые здесь работают, доверяют нам!

– Если это действительно МОЙ дом, – я склонился к ней, усмехнувшись той злости, которой светились ее глаза, – если я действительно хозяин в нём, – смотрит, прищурившись, а

мне впиться в её напряжённые губы поцелуем хочется, чтобы думала о том, что я могу сделать с ней, – значит, здесь должны быть установлены МОИ правила.

Обхватил ладонью её запястье, снова удивившись про себя тому, какая хрупкая у нее рука.

– Значит, я могу делать в своем доме то, что хочу.

Поднёс её руку к своим губам и царапнул зубами запястье, тихо зарывав от вкуса её кожи.

– Если собственная жена отвергает меня!

Этот взгляд... как же я ненавижу его сейчас и люблю одновременно. Люблю до какой-то отчаянной одержимости, а у меня в голове те картинки, где он с другими... Снова и снова. Меня лихорадит от приступа панической ревности и одновременно бессильной ярости.

И в то же время от этой унижительной его власти надо мной. Потому что держит за руку, а у меня кожа дымится в месте прикосновения сильных пальцев, а когда поднес мою руку к губам, я в изнеможении закрыла глаза, и перед ними все поплыло, как от наркотического яда. Этот голодный рык, и я полетела в пропасть на такой скорости, что дух захватило.

И тут же распахнула глаза, накрыв его руку своей, судорожно сглотнув, а в горле так же сухо, и, кажется, я смогу дышать, только если жадно найду губами его губы. Смогу ды-

шать только его дыханием. Какая разница, сколько их было там, в его прошлом до меня? Ведь я для него не существовала. Еще сутки назад меня просто не было. Они могли кричать под ним от наслаждения или в агонии ужаса, надрывая горло, но ни одна из них не сможет заглушить беззвучный шепот моего сердца...и он его услышит через все другие голоса, увидит в моих глазах. Должен услышать и увидеть.

– Ты уже установил правила и в этом доме, и в этом городе, и в своем клане. Идем, я хочу показать тебе...Не здесь.

Взяла за руку, выводя из комнаты. В кабинете в папках все бумаги, которые подписаны им лично.

– Я хочу показать тебе, какие правила установил именно ты.

Пока шёл за ней, думал о том, почему её реакция на меня вызывает не усмешку, не удовлетворение, не триумф, а одержимое желание большего. Шагнуть еще дальше. Не глядя под ноги – только в её глаза. И по хрен, где мы упадём, только бы вот так же видеть ту же самую одержимость по ту сторону отражения её глаз.

Чёртов Зверь! Что за задачку ты мне подкинул в виде нашей жены?

Чем дольше нахожусь рядом с этой женщиной, тем глубже нырнуть в неё хочется. Так, чтобы с головой. И задышаться от нехватки воздуха под накатывающими волнами. Никогда

море не любил, а сейчас до самого конца хочется. Чтобы дна рукой коснуться мог. И плевать я хотел, сколько толщ воды над головой!

Когда зашли в кабинет, пододвинул ей стул и начал разливать виски по бокалам. Потянулся к портсигару и вздёрнул бровь, заметив её взгляд.

– Закуришь?

Усмехнулась, когда предложил закурить, но сигару не взяла.

– Правило номер один – ты не разрешаешь мне курить. – бросила взгляд на бокал, – и пить виски тоже. Поэтому нет. Не закурю. Я уважаю твои правила.

От его удивленного взгляда снова потянуло рассмеяться, но в тот же момент было не до смеха. Словно я рядом с моим Максимом и все же с настолько чужим, что от холода стынут пальцы. Я подошла к шкафу и потянулась за папками. Достала одну из них и бросила на стол.

– Здесь все бумаги по сделкам. Самые первые бумаги, которые вы составляли с Савелием, когда ты вошел в семью Вороновых.

Обернулась к нему.

– Ты ведь не знаешь самого главного, Максим. Тебя приняли в семью. Савелий Воронов... признал тебя своим сыном. Как и мой брат Андрей признал тебя своим братом!

Схватил её за руку и притянул к себе так, что она нависла надо мной. Дарина охнула, но сейчас мне была абсолютно безразлична её боль.

– Кто твой брат, ты сказала? – Прошипел ей в лицо, чувствуя, как зашумело в висках и снова загудело в голове. Мне показалось. Мне должно было показаться это.

Я была готова к этой реакции, и все равно сердце гулко забилося в горле.

– Андрей Воронов наш с тобой брат. Я только появилась в вашей жизни и тебя приняли в семью, Максим.

Я не пыталась освободиться, я просто смотрела ему в глаза и медленно перехватила его запястье, потому что резонансом почувствовала, как Максима накрыло... Невольно провела большим пальцем по его ладони. Успокаивая. Как всегда, когда чувствовала, что он нервничает.

– Ты уже давно не какой-то главарь группировки. Ты часть клана Вороновых. Важная часть. Верхушка, хозяин, предводитель. Твой отец дал тебе это право.

Она снова не лгала, но сейчас...сейчас я, блядь, хотел её лжи. Хотел видеть, что обманывает, но чуял, каждое слово – правда. Отчаянно некрасивая, уродливая правда, от которой внутренности узлом скручиваются и позывы к рвоте появляются. Нет на дне голубого взгляда мерзких щупалец лжи. Отпустил её руку и залпом опрокинул в себя виски, отворачиваясь от неё и думая. В голове по-прежнему гудело так, что боль отдавала в зубы.

Признал, значит, старый чёрт. Проявил своё гребаное благородство – пожалел ублюдка – сына, которого годами не замечал, которого держал возле себя, будто пса цепного, изредка обглоданные кости ему кидая, чтобы и к другим не ушёл, и сытым не был. Голодный пёс – злой пёс. Сделает, что прикажет хозяин, лишь бы кормил.

А потом узнал, что и не пса столетиями палкой гнал, а собственного сына? Вину решил титулами искупить всемогущий король? И вот уже не жалкий бандюган, а верхушка, глава, наравне с Графом. То, о чём грезил всю жизнь, вдруг таким незначительным показалось. Богатство всё это, статус. Ненастоящим. Бутафорским, отдающим противным резиновым привкусом.

Твою маааать...почему я не помню ни слова из разговора с ним? Почему не помню, каким стал его взгляд, когда узнал всё? Почему не смакую минуту своего триумфа? Проклятье! Я шёл к нему столько лет, и теперь у меня даже не осталось

воспоминания об этой ничтожной победе.

И вдруг как обухом по голове – сестра Андрея. Моя жена – моя же сестра. Развернулся к ней, жадно рассматривая уже другими глазами, выискивая его черты в ней. Сжимая ладони в кулаки от желания встряхнуть её, заставить говорить без этих пауз, без деликатности, чёрт бы ее побрал. Она мне время свыкнуться с этой мыслью даёт, а меня накрывает от понимания, что она – моя кровь.

Грёбанный извращенец, ты трахал собственную сестру? И в голове всё ровно выкладывается в картину единую. Вот как я решил брату насолить?

Склонился над столом, ощущая, как снова начинает раскалываться от усилий вспомнить голова.

– Ты наша сестра, – не глядя на неё, рассматривая своё отражение на поверхности стола, чувствуя, как подкатывает к горлу тошнота и сердце трещинами покрывается.

Я знал себя. Я всегда мразью был конченной. Я мог соблазнить племянницу собственного отца и, отыграв накануне помолвки бросить несчастную. Я мог так же соблазнить Дарину...мог убить её, чтобы заставить взвыть от горя Воронова. Но сделать своей женой? Сделать матерью своих детей?

– Ты моя сестра...и моя жена?!

А в голове мысли о том, что убью на хрен Радича... Не мог не знать, подлец. Намеренно промолчал. Увёл тему, когда я начал о происхождении Дарины рассказывать, а я и не настаивал. Меня больше заинтересовало то, что он начал го-

ворить о ней нынешней.

Глава 3

Я до боли в суставах хотела обнять его сзади, когда он опрокинул в себя стакан с виски и стиснул челюсти так, что хруст и я услышала. Давала ему время на ярость, на осознание... Ведь я скоро ударю его еще раз, а потом еще и еще. Сколько всего он не знает. Сколько горя и потерь пережито нами, сколько боли и отчаяния.

Мы многое прошли вместе когда-то, а сейчас он будет в этом один. Вариться заново, а я...я даже помочь не могу. Потому что стена между нами. Я выдергиваю из нее даже не по кирпичику, а по крошке.

Протянула руку, чтобы положить Максиму на плечо и тут же отдернула, когда он вдруг задал свой вопрос, от которого у меня по коже пошли мурашки. Я знала, о чем он думает и в чем сейчас обвиняет себя. Захотелось закричать, чтоб не смел считать себя мразью, чтоб не смел опять ненавидеть.

– Я не родная сестра. Сводная. У нас с Андреем общая мать, а у тебя с ним общий отец. Мы с тобой не брат и сестра.

Все же положила руку ему на плечо и сжала пальцами. Сильно. С трудом сдерживаясь, чтобы не обнять его рывком. Но он не даст. Ему не нужно сейчас мое сочувствие. Жалость не нужна. Она лишь унизит и оттолкнет от меня. А я делаю свои первые шаги по знакомому лабиринту, но в крошечной

тьме и по памяти, и мне страшно, что вдруг я что-то забыла или в лабиринте изменилось расположение тупиков и смертельных ловушек.

— Когда родилась наша дочь... Ты назвал ее Тая. Потому что тебе казалось, что она может растаять как и все то счастье, что у тебя было.

Облегчение. Оно позволяет выдохнуть. Позволяет проглотить ком, застрявший в горле и вдохнуть полной грудью. На автомате повернул голову и взглядом в ее руку тонкую впился, в то, как сжимает моё плечо пальчиками. А я не чувствую ничего. У меня тело окаменело, и сердце всё еще пошвам трещит, потому что она не улыбается. Потому что в ее голосе тревога. В нём молчание. То, которое перед взрывом бывает. Когда на осколки разлетается весь твой мир. Только что она сделала пробный выстрел. И даже несмотря на то, что я выстоял на ногах, всё еще не убирает руку, неосознанно готова к чему-то еще.

— Отец... Расскажи мне о нём. Ты сообщила ему, что я жив?

И вдруг резкое понимание — его я не видел на похоронах. Андрей был там, а отца не было.

Я невольно сжала пальцы еще сильнее и уже сама стиснула челюсти.

— Савелия нет больше, — голос сорвался. и я отвернулась... не могу смотреть ему в глаза и говорить это, — его убил Ахмед Нармузинов. Лет восемь назад, Максим.

Снова повернулась и встретилась с его взглядом. Я должна была увидеть, что он чувствует. Должна была поймать эту волну боли. Она была мне необходима, чтобы схлестнулась с моей... чтобы понять — там под этой отвратительной маской циничного мерзавца тот самый Максим, которого я разглядела сердцем еще много лет назад... И я его увидела. Он смотрел на меня расширенными зрачками, в которых поднялось цунами всепоглощающей тоски, от шока дрогнули уголки чувственных губ и пальцы стиснули бокал с такой силой, что, мне кажется, я сейчас услышу треск стекла.

Я мечтал об этом столько лет. Изю дня в день, из года в год несколько лет подряд. Я жил только своими планами о мести. О том, как сообщу ему всё о себе, как ткну в лицо письмо матери... а потом вырву его сердце, потому что простить не смогу. Я знал, что не прощу.

Я настолько сильно ненавидел его. И не только за то, как он поступил с моей матерью. Дьявол, я со многими женщинами поступал гораздо хуже. А за то, что не узнал меня. Не

почуял кровь свою, за то, что другого сына приблизил к себе, а меня, словно прокажённого, не замечал в упор, отворачивался в сторону Андрея от меня... Я так сильно ненавидел его, что и представить не мог такой боли. Когда потрескавшееся сердце разбивается на осколки и падает вниз, царапая острыми краями грудную клетку.

Закрыл глаза, делая глубокий вдох и понимая, что снова не могу. Будто сразу несколько осколков в легких застряли и не дают дышать. Я столько раз представлял, как убью его сам, что ни разу не подумал о том, что будет так больно услышать о его смерти. О том, что его больше нет. О том, что не посмотрит другими глазами. Без того презрения во взгляде, которым замораживал, заставляя вскипать от ненависти. И даже если смотрел, то я этого не помню. Дьявол! Не помню, как впервые обнял, как впервые сыном назвал. Ведь это всё должно было быть! Даже у такой твари, как я.

Повёл плечом, пытаюсь сбросить ее руку, и когда она убрала её, снова закрыл глаза, собираясь с мыслями.

Я так часто называл его отцом в своих мыслях. Но каждый раз, когда хотел сказать об этом ему в лицо, понимал, что время еще не наступило. А теперь оно ушло безвозвратно. И он тоже ушел безвозвратно. Какими словами я прощался с ним? Что последнее я сказал ему перед смертью? Почему, чёрт побери, я не помню ничего!

Я на какое-то мгновение забыл о том, что Дарина по-прежнему была в кабинете. Я просто смотрел перед собой,

пытаясь воссоздать образ отца перед глазами. Представить, каким он был с тем, с другим Максом. Но тщетно. Ничего, кроме очередной волны головной боли, и я сжимаю пальцами виски, мечтая поймать эту боль в черепе за хвост и вытащить её, выкинуть в окно, потому что эта тварь распространяется уже по всему телу. Столько лет самобичевания и ярости, ненависти лютой к нему... И всё зря. Зачем? Сколько лет я пробыл его сыном, а он моим отцом? Так ничтожно мало. Катастрофически много времени упущено впустую. Времени, которое нельзя повернуть вспять. Даже если я вспомню...его...почувствую ли я то, что чувствовал рядом с ним?

– А Андрей? Расскажи о нём, – замолчал, чувствуя, как пересыхает в горле от дикого желания опрокинуть в себя всю бутылку виски, – о нас с ним.

Схватил бутылку и приложился к горлышку, удовлетворённо зарывчав, когда виски горло обжёг.

Я не смогла сдержать слез, когда он сбросил мою руку, а я погрузилась в океан отчаянья в его глазах. Давно, много лет назад я не была с ним в эту минуту. Когда Максим узнал о смерти Савелия, то меня в этот момент ненавидел такой лютой ненавистью, что даже сейчас я содрогнулась, вспоминая об этом.

Захлебнулась его болью, так невыносимо видеть ее в его

глазах, что у меня сердце сжалось, и я почувствовала, как по щекам потекли слезы. Мой сильный мужчина пытается справиться с ударом один, держит его неимоверным усилием воли, а я слышу, как у него внутри все на части разрывается.

Можно сколько угодно кричать о ненависти или о любви, но если она не живет в ваших глазах, то ее нет и в вашем сердце. В его глазах не было любви ко мне, но в них отразилась отчаянная любовь к отцу. Та, самая, которую Зверь привык скрывать за масками презрения и злобным оскалом кровожадного монстра. Но только я знала, что он чувствовал на самом деле. Если бы презирал отца так, как говорил, разве не убил бы? А он не смог. Он рядом всегда быть хотел. Хотя бы так.

Отворачивается, пьет виски и не смотрит на меня... чтоб не видела, чтоб не поняла. Прячет себя от меня, и от этого больно втройне.

Резко вцепилась в воротник его рубашки, разворачивая к себе, наклоняясь к нему.

– Ты отомстил за него. Слышишь? Посмотри на меня, любимый, – слова срываются сами с губ...потому что невозможно себя контролировать, когда боль становится общей, а у нас с ним она всегда общая, – ты отомстил за каждую каплю его крови. Жутко и люто отомстил.

Обхватила ладонями его лицо, всматриваясь в почерневшие от горя глаза и сама поцеловала в губы, в скулы, в глаза. Быстро, хаотично, размазывая свои слезы по его колю-

чим щекам, касаясь губами длинных ресниц, висков с бешено пульсирующими от напряжения венами.

Притянул ее к себе на колени и впился в губы, жадно, зло. Стереть хочу с них её слова о смерти. Вот только они всё еще в ушах отдаются. Прижимаю к себе, слыша, как эхом в голове её "любимый" бьётся. Успокаивает, мать вашу. Позволяет сделать наконец очередной вдох.

Оторвался от неё, внимательно глядя на опухшие губы, на глаза её, потемневшие, с поволокой. Знает, как успокоить, как в себя вернуть, вытаскивает из болота, в которое известие о Савелии окунуло. Вытаскивает так, будто не впервой меня тащит на поверхность, не позволяя зловонной жижей захлебнуться. Провожу пальцами по её щеке.

– Кто ты такая, Дарина, что знаешь меня лучше меня самого?

Поцелуи горько-соленые. Алчные и дико отчаянные. Позволяю терзать свои губы жадно и яростно, а сама в ответ лихорадочно глажу его волосы, зарываясь в них пальцами, прижимаясь к нему всем телом. Пусть забудет обо всем. Пусть растворится во мне, если это принесет облегчение. Пусть отдаст мне свою ярость и боль. Выплеснет её самым естествен-

ным образом.

Когда спросил, показалось, что сердце остановилось. Посмотрела на него и всхлипнула – в глазах его нет этого адского льда, а меня лихорадить начинает от осознания, что иначе смотрит сейчас, и от прикосновения пальцев к щеке по телу ворох мурашек рассыпью, как искрами. Осторожно касается, словно изучает.... А я его сквозь слезы вижу, и мне хочется закричать, громко закричать, что я его малышка, его женщина. Я – это он сам, а он – это я.

Прибита к нему гвоздями ржавыми от высохшей крови, распятая на нем, как на кресте, пригорела на тех лучах, под которыми он сжег себя ради меня, примерзла в том лесу, где убивал нас обоих. И не отодрать меня от него – намертво вросла, мясом и костями. Если попытаться, я кровью истеку.

– Я тебя не знаю..., – перехватила руку и прижалась губами, целуя пальцы. Задохнулась, увидев на них рваные жуткие свежие шрамы. На каждом из них и на ладони, на запястье. Внутри все похолодело и саму пронизало болью невыносимой – я знала, что это за шрамы. Я поняла. Его всё же кромсали на части ножом. Наживую. Вот почему нашли ДНК. Потому что его изрезали, и эти пальцы... как долго они заживали и все еще не зажили? Шрамы багровые, воспаленные болят еще, наверняка.

Закрыла глаза, целуя их снова, тяжело дыша и задыхаясь от слез. Господи, какая разница, что он помнит? Какая разница, какой он теперь? Он же вернулся ко мне. Живой. Вос-

крес для меня. Как же все остальное не важно.

– Нет...я тебя чувствую, понимаешь?

Привлекла к себе и сильно обняла за шею, ощущая, как зарывается лицом в мои волосы, шумно втягивая их запах, как делал это всегда раньше.

Не понимаю. Ни хрена не понимаю. Смотрю в твои глаза, слышу, как сердце твоё бьётся, отбивает аккорды бешеные так, будто сломается сейчас само или из груди твоей выскочит, и мне поймать его хочется ладонями. Не позволить разбиться, чтобы так же продолжало по мне стучать. Я каким-то долбаным шестым чувством ощущаю – для меня и по мне оно бьётся. И даже если это иллюзия, мне так сладко в неё сейчас смотреться.

Не понимаю. Но хочу понять. До трясучки хочу. До боли в пальцах, которыми стискиваю тебя, вжимая в себя. До зубовного скрежета, пока выцеловываю твою шею, пьянея от запаха волос и вкуса кожи.

– Кажется, у меня появился любимый аромат, – шепотом ей на ухо, прикусывая мочку, свободной рукой сжимая упругую грудь. Она громко застонала, и я сорвался. Хочу её. Хочу сильнее, чем вчера, когда просто красивую женщину трахнуть хотел. Когда похоть чистая выиграла. А сейчас она смешивается с интересом, с неистовым желанием в неё глубже погрузиться – не в тело, а в самую её суть, чтобы понять для себя. Почему моя боль на её лице отражается? Почему смот-

рит на меня, а мне кажется – не глядит, а читает, зная каждую букву, каждую точку.

Рывком со стула поднялся и на стол её спиной опрокинул, устроился между её ногами, задрав юбку и сильно сжав ладонями её руки, на какое-то бесконечное мгновение утонув в её полупьяном взгляде.

– Ты обязательно почувствуешь меня, малыш, – склонившись к ней и кусая грудь через ткань блузки, вскрикнула, а меня скрутило от желания ворваться в неё одним движением. Наконец сделать своей.

И снова к её рту, кусая, сплетая наши языки, пальцами расстёгивая пуговицы блузки. Трусь об нее возбужденным членом, ловя губами её рваные выдохи... Ты же чувствуешь меня, я знаю. Чувствуешь, как нужна мне сейчас?

И в этот момент кто-то постучал в кабинет, и раздался ненавистный голос:

– Ну что, Зверь, позволишь брату войти или мне выбить эту дверь ногой?

Отпрянул от Дарины, всё еще не понимая, что происходит. Я же приказал, никого не принимать. Хотя этот подонок – Андрей Воронов. Тщедушный слуга, наверняка, не смог ему отказать.

Возбуждение всё еще не отпускало, но я резко поднял её со стола, разворачиваясь с ней спиной к двери и помогая привести одежду в порядок. Она лихорадочно поправляет

наряд, а я смотрю в стену, думая о том, что Воронов – последний, кого я хочу видеть именно сейчас – таким ослабленным в некоторой степени. Сзади открылась дверь и слышались уверенные мужские шаги.

Нет ничего глупее, чем поворачиваться спиной к врагам, и я оборачиваюсь к нему, чтобы увидеть его напряжённый внимательный взгляд, быстро пробежавшийся по мне, по моему лицу, напряжение в нём сменяется облегчением, но не исчезает полностью – затаивается на дне его глаз.

– Здравствуй, Даша. Обнимешь брата? – улыбается, глядя на Дарину, будто забыв обо мне, но я слышу, с каким нажимом он произносит некоторые слова специально для меня.

Воронов раскинул руки в стороны, и Дарина обошла меня, чтобы кинуться к нему в объятия, а я не смог сдержать протестующего рыка.

Глава 4

– Даша, родная, дашь мне поговорить с братом? – Андрей не отрывал взгляда от моего лица, приобняв за плечо Дарину и лаская его пальцами. А я не столько видел его взгляд, сколько чувствовал его, потому что сам смотрел на то, как он сжимает ладонью плечо той, которая называла себя моей женой. Я помнил, она говорила о том, что он её брат как и мой...но он был первым в этой комнате, в этой долбаной стране, в мире, которого я хотел разорвать на куски, и мне не нравились такие вольности. перевел взгляд на Воронова и чертыхнулся про себя, увидев, как он едва заметно усмехнулся. Ублюдок проверял меня, и что-то мне подсказывало, что результатами этой проверки он остался доволен.

– Конечно, брат, – Дарина подошла ко мне и, приложив ладонь к моей щеке, одними губами произнесла: «Пожалуйста!», а после вышла из кабинета, мимоходом улыбнувшись Андрею.

А тот, дождавшись, когда за ней закроется дверь, прошёл к бару и достал бутылку виски и один стакан.

– Не спрашиваю разрешения, так как знаю, что в этом кабинете сейчас ты такой же гость, как и я.

Сволочь! Я вцепился пальцами в край стола, едва сдерживаясь. Такой ситуации я ждал так давно: я и Воронов, один

на один. Без кучи его охранников рядом, без осуждающего взгляда отца, стоящего за его спиной. И по венам понеслось едкое желание схватить его за белый воротник кристально белой рубашки и долго смотреть в глаза, пока я буду вонзать в его грудь острый нож для колки льда.

– С каких пор ты не боишься поворачиваться ко мне спиной, Воронов?

Он молча открыл бутылку, разлил виски по бокалам и потянулся к портсигару, бесцеремонно открыл его – тянет время, обдумывая ответ. А вот это насторожило. Со мной выскочка был всегда предельно честен...в своей ненависти и презрении ко мне. Впрочем, можно сказать, что он единственный, с кем у меня всегда была взаимная честность.

– С тех пор, как доверяю тебе. – Отодвинул моё кресло и, обойдя его, сел на один из стульев, будто показывая, что не претендует на положение лидера в нашем разговоре, – Твоё здоровье, Макс. – приподнял руку с бокалом и широко улыбнулся, – Дьявол, Зверь, тебе сейчас будет действительно странно слышать эти слова, но я чертовски рад, что ты жив и ты с нами.

Залпом опрокинул в себя виски и снова наполнил стакан.

Я склонил голову, наблюдая за ним. Граф двигался естественно, и в этом кабинете, и в моем присутствии, не ожидая нападения. Я действительно не видел в нём напряжения,

скорее, осторожность. Но не как к врагу, а осторожность в выборе собственных слов.

– Доверяешь мне? – Уселся в свое кресло и пригубил виски, глядя на его туго затянутый галстук, на дорогие бриллиантовые запонки. Как всегда, выглядит дорого и со вкусом. Грёбанный франт! Интересно, эта удавка его душит?

– Насколько только можно доверять Зверю. – он снова усмехнулся и посмотрел мне прямо в глаза, – Во всем нашем чертовом Вороновьем клане нет, желающего тебя сейчас одновременно и обнять и на хрен прибить за всё то дерьмо, в которое ты окунул нас своей мнимой смертью.

– Я знаю, что ты предпочёл бы, чтобы она оказалась настоящей, – я ухмыльнулся и развёл в стороны руки, – но должен тебя огорчить...

Воронов откинулся на спинку стула и сложил руки на груди:

– Брось, Макс. Ты женат на моей, между прочим, сестре. Ты отец троих моих племянников. Если ты хорошенько пораскинешь мозгами, то можешь понять, что больше, чем ты, меня никто никогда не огорчал... Так что, расслабься, еще один Воронов, и прекрати попытки колоть меня словами. После твоего воскрешения, даже если ты сейчас станцуешь стриптиз прямо на этом столе, тебе вряд ли удастся меня удивить.

– Послушай, Граф, – я склонился к нему через стол, – не знаю, что за Зверь тут был до меня, но ты зря надеешься

на дружбу со мной. Единственное желание, которое я к тебе прямо сейчас испытываю – это свернуть твою лощёную шею.

– И что же тебе мешает сделать это прямо сейчас? – Он прикурил сигару и с видимым наслаждением затянулся, закинув ногу на ногу, – Чёрт, я действительно потерял веру в то, что, когда-нибудь мы с тобой снова будем вот так вместе сидеть в твоём кабинете и обмениваться подобными «любезностями». Так что, – склонил голову набок, выдыхая дым, – можешь засунуть свои угрозы себе в одно место. За этой дверью та, которая будет одинаково горько оплакивать любого из нас. И, поверь мне, с неё достаточно тех слёз, которые она пролила из-за тебя.

Андрей снова широко улыбнулся, давая знать брату о своём превосходстве над ним. Он игрался: не лез на рожон, но и в то же время показывал, что не собирается заискивать перед тем Зверем, который сидел сейчас по ту сторону стола. Тем, которого он практически забыл. Которого, как он думал, Дарине окончательно удалось похоронить много лет назад, чтобы явить им всем и ему, не поверившему, что такое возможно, совершенно другого Макса. Макса, способного на самопожертвование, умеющего не просто быть собственником, а любить. Сейчас Андрей чётко ощущал, перед ним больше не его брат. Не тот, кто готов был протянуть руку помощи в лю-

бой ситуации. А если и не протягивал её открыто, то помогал тайно. Макса, который не раз с готовностью вытаскивал его из любой задницы, больше не было. И Воронов не мог сказать сейчас точно, стал бы и сам ради вот такого Зверя рисковать всем, что у него есть, и шантажировать нынешнего главу спецслужб, чтобы обвести вокруг пальца саму смерть.

Но Граф понимал одно: если есть хотя бы мизерный шанс вернуть его брата, того, кого он действительно мог называть братом, он его выгрызет. У Дьявола ли, у Бога ли, у смерти ли или даже у самого Зверя, которой, оскалившись, сейчас смотрел на него. Да, брат даже не пытался прятать свою ненависть, он открыто показывал, что не рад встрече со своим злейшим врагом, и Андрею до боли хотелось схватить того за плечи и трясти до тех пор, пока ублюдок не вспомнит всё.

– Зачем ты приехал сюда, Андрей? – Макс вздёрнул бровь, сложив руки на груди, и Воронов невольно улыбнулся. Будь здесь зеркало, он показал бы этому сукиному сыну, насколько они похожи сейчас. Тот ведь и не понимает этого сам.

– Наверняка, Дарина сказала тебе, что я многого не помню. Зачем прилетать к тому, кто считает тебя врагом? Ты мог бы дожждаться, пока Даша познакомит меня со всеми новостями вашей, как я понял, большой и дружной семьи, и приехать тогда?

– Даша может познакомить тебя с Максом, которого знает она. А я пришёл напомнить тебе о том Максе, которого до неё знал я. С Максом, который спина к спине дрался со мной

и с отцом. С Максом, который, рискуя жизнью, спасал мою дочь из рук ублюдков. С Максом, который наравне с нами воевал с любым злом, желавшим поставить НАШ клан на колени, и каждый раз выходил из этой войны победителем. Дарина знает тебя, как своего мужа и отца своих детей, а я тебе напомню, каким братом и сыном ты можешь быть.

Воронов резко подался и схватил за запястья обеих рук Макса, пристально глядя в прищуренные синие глаза:

– И чёрта с два я тебе позволю помешать мне в этом!

Зверь тихо выматерился, и Граф отцепил свои руки, едва не выругавшись за то, что допустил мимолётную слабость. За эти годы Макс не раз заставлял его вспоминать, каким зверем он является, но как бы парадоксально это ни было, – никогда по отношению к самому Андрею.

Воронов снова откинулся на спинку своего стула и, взбалтывая бокал с янтарной жидкостью и не глядя на брата, продолжил:

– Я могу рассказать тебе многое. Но не хотелось бы хвататься или вызывать в тебе даже не знаю...благодарность что ли. Чтобы ты чувствовал себя должником. Хотя, блядь... мы до хрена друг другу должны за спасенные задницы.

Меня раздражала его уверенность в моём доме. Меня чертовски бесило даже то, как он разговаривал со мной: так, будто это было нормой – вот так сидеть в моём кабинете и, растягивая бутылку виски, обсуждать что бы то ни было. Ни хрена это не было нормой. Это было неправильно. Это было самое невероятное из того, что я могу представить себе. Наша с ним норма – это взаимная ненависть и борьба за власть. Наша норма воняет предательствами и смертью друзей, а не совместными посиделками по праздникам.

И когда подонок схватил меня за руки, я зарычал, возвращая его в свою действительность. Добро пожаловать в реальность Зверя, в которой тебя, как минимум, не любят, благородный Граф! Мне плевать, что у вас происходило за это время! В моём мире ты всё еще находишься в шаге от того, чтобы я вцепился тебе в горло мертвой схваткой. И только благодаря сестре, у тебя есть расстояние в этот самый шаг.

Я прикурил сигару, не чувствуя её вкуса, во рту горчила плохо сдерживаемая злость.

– Должником? И ты хочешь сказать, Воронов, что я спасал твою задницу, а ты мою? Давай, удиви меня... брат. Расскажи, что ты это сейчас придумал!

Воронов усмехнулся:

– Ты одновременно и прав, и ошибаешься. Я спасал твою задницу потому что ты МОЙ БРАТ! И я узнал об этом! По-

тому что кровь не вода!

Я засмеялся и похлопал ему:

– Смешно. Признаю. А потом явился добрый ангел и воскресил самого мерзкого дьявола, спас его от смерти.

– Да, а потом то же самое делал ты. Для меня. И по той же причине. Каким бы невероятным это тебе ни показалось.

Воронов не лгал. Периодически он мялся, возможно, недоговаривал, но лжи я не ощущал.

– Знаешь, Макс, с тех пор, как ты встретил мою сестру, а она тогда была еще ребенком, мы перестали враждовать.

– То есть ты хочешь сказать, что девчонка...начала крутить со мной будучи малолеткой? – я сделал большие глаза, наклоняясь к нему через стол и пододвигая к себе бутылку с виски, стоявшую возле его руки, – зачем мне это было нужно? Я что стал педофилом?

– Мне кажется, это не самое главное из того, что должно интересовать тебя, так? – Он посмотрел на меня, и я кивнул. Он был прав. Сейчас мне куда важнее было узнать другое.

– Значит все же педофилом я не был. Это утешает. Видать подождал пару лет.

– Ты не ответил каким образом я ... в перестал быть вашим врагом?

– Ты многое сделал для клана, для меня, для отца, – Воронов остекленевшим взглядом смотрел на то, как разливаю

в пустые бокалы алкоголь, – В еще ты полюбил мою сестру, которая была безумно мне дорога. Или ты думаешь, что это ты ввёл в нашей семье традицию отказываться от вражды ради женщины?

Это его «в нашей семье»... снова по нервам резануло. Грёбанный ад! Я привыкну к этому когда-нибудь? Он произнес эти слова так естественно, словно привык. Словно это само собой разумеющееся. Словно я не должен был сжимать до треска стакан пальцами, потому что это тоже не про меня – семья. И не просто семья, а одна семья с ним.

– А я смотрю, у вас с братом, с тем братом, это... как ты там сказал? Семейное? Отказываться от всего ради женщины? Еще твой отец так поступил, как мне помнится.

– Наш отец, – Андрей поправил его чисто машинально и тут же замолчал, заметив, как у Макса заходили желваки. Интересно, успели ему рассказать о смерти отца? До сих пор Зверь не произнес ни слова о нём, возможно, уже знает, – Твоя женщина, брат, – как же непросто называть братом вот этого ублюдка, но Граф дал себе мысленное указание делать это почаще, чтобы не только Зверь привык к этому обращению, но и он сам, – оказалась достойной намного большего, чем всё.

Андрей сглотнул, глядя в абсолютно пустые глаза Макса. Единственное, что он там видел – заинтересованность. Ни одного отблеска воспоминаний. Как же они вернут его, если этот подлец ни черта не помнит? Просто рассказать – ничтожно мало. Этот Зверь не испытал и толики того, что тот перенес на своей шкуре...И даже, когда её с него живём сдирали, тот Зверь обрастал новой шерстью, еще более плотной. Обрастал во имя своей жены и семьи. А этот...Андрей говорил, но чувствовал, что его слова, подобно камням, лишь стучат по броне этого Зверя, и Граф понятия не имел, как подступиться к нему поближе.

И он решил про себя быть честным с ним. Настолько, насколько вообще можно быть честным с этим Максом. Быть честным, чтобы подобраться поближе и вонзить в эту броню острый меч, который вскроет гребанные пластины и заставит его, наконец, почувствовать боль, которую испытывают сейчас и Влад, и Марианна, и ее дети.

Но ублюдох, сам того не ведая, первым нанёс удар боли, и Влад стиснул челюсти так, что заболели зубы, услышав его вопрос.

– Моя женщина, говоришь? А твоя? Твоя, Воронов, где? Я слышал ты второй раз женился...

Глава 5

Я улыбнулся, ощутив волну боли, которая накрыла его. Я демонстративно вдохнул её в себя. О, да, Граф, кажется, я нашёл твою слабую сторону. И мы оба знаем, что я обязательно использую ее против тебя. Нужно будет узнать у Радича. Вряд ли Дарина расскажет мне о таком.

И я оказался прав, потому что Воронов так же демонстративно бросил взгляд на часы и сказал:

– У меня сегодня назначена встреча с местной властью. Об открытии новой фабрики. Между прочим, твоей фабрики. Я предлагаю тебе поехать со мной на эту встречу. Ты многое не помнишь, – он явно пытается сгладить повелительный тон своих слов, – хотя не сомневаюсь, что Радич, который тут всю ночь проторчал, тебе так же многое поведал.

– Граф хочет наглядно продемонстрировать свое покровительство, я понял. Заманчивое предложение, Воронов, но я откажусь, – он раздражённо забарабанил пальцами по столу, – ты прав – Радич мне и об этой встрече рассказал. Так что я в курсе дела. А если ты всё же хочешь помочь мне, – я замолчал... Последние слова вырвались невольно, и я уже мысленно проклинал себя за них. Я ведь мог спросить у Дарины. Хотя нет. Сукин сын был прав: кроме него, больше

некому мне рассказать об этом.

– Расскажи мне об...о Савелии.

Воронов грустно улыбнулся, увидев, как изменился взгляд брата. Теперь он не смотрел на Андрея, скорее, обшаривал глазами помещение кабинета, останавливаясь то на корешках книг, то на стенах, то на мебели.

Возможно, это первая его победа, ничтожная, но очень важная именно потому что первая. Граф дал слово самому себе, что заставит этого недоверчивого сукиного сына капитулировать и признать себя частью их семьи.

– Он любил тебя, знаешь? С того мгновения, как узнал, что ты его сын. Он корил себя за то, что не видел раньше вашего сходства. За то, что позволил тебе пережить всё то, что ты пережил.

Зверь усмехнулся, вздернув бровь, но Граф вдруг ясно увидел в этой нарочитости горечь, которую Макс пытался скрыть.

– Видимо, наличие троих племянников и дочери подростка, сделало тебя сказочником, Воронов. Но я в сказки всё же не верю.

– Ну у меня есть еще и младший сын. Так что сказки я обычно читаю ему. Кстати, какого-то дьявола он похож на тебя. Такой же упрямый чертик.

Андрей ожидал привычной самодовольной улыбки или

хотя бы удивления, но в глазах Макса всё была всё та же пустота, и Граф сжал ладонь в кулак, глубоко вдыхая и напоминая себе, что не должен ожидать от брата тех чувств, на которые он пока неспособен. Долбаное «пока», которое заставляло ощущать себя таким же опустошённым.

– Он действительно любил тебя. Ты так на него похож. Помимо внешности. В чём-то даже больше, чем я. Одно время он даже был с тобой близок больше, чем со мной.

В этот момент дверь сзади открылась, и Андрей, не оборачиваясь, понял, что в кабинет вошла Дарина.

Взгляд Зверя изменился, и Граф едва не вскинул руки в победном жесте. Наконец-то. Опостылевшая пустота сменилась не просто заинтересованностью. Взгляд Зверя запылал. И Граф мог поклясться, что увидел в нём всполохи как похоти и чисто мужского интереса, так и неожиданной для Зверя теплоты.

– Я хотела спросить, возможно, вам что-нибудь нужно?

Лгунья, она пришла проверить, не поубивали ли они друг друга. Возможно, тишина ей показалась подозрительной. Андрей прикрыл рот ладонью, пряча улыбку, когда Макс весь подобрался, напрягаясь и пожирая голодным взглядом жену. Всё же хорошо, что кое-что в этом мире не меняется. Где бы они ни были, какие бы сложности им ни приходилось

перенести, чего бы их ни лишили, этим двоим достаточно было просто увидеть друг друга. И для них всё вокруг исчезало.

Дарина подошла к брату и положила руку на его плечо, сжимая, и Андрей прищурился, глядя на Макса. Понимает ли Зверь, что это провокация чистой воды? Что жена проверяет его? Навряд ли. Потому что он с шумом отодвинул свое кресло и уже через секунду оказался возле жены.

Перехватил ее за запястье и повел к двери, процедив сквозь зубы:

– Мы сообщим, если нам что-нибудь понадобится.

– Хорошая сигара и старый добрый виски, что еще нужно для мужского разговора? – донеслось сзади, а я стиснул руки в кулаки, желая врезать ему. Когда увидел, как она положила руку ему на плечо, меня от злости перекосило. Не будет моя женщина других мужиков трогать! Я лучше ей руку оторву, чем позволю так себя унижать. Но, бл**ь, ведь было что-то другое, Зверь? Ведь не только из-за этого ты вихрем через стол пронесся, чтобы скинуть её руку с его плеча? Ведь почему-то внутри ревностью всё скрутило так, что захотелось Воронова в стену впечатать и кулаками в него вбивать, что нельзя мою жену обнимать, нельзя смотреть на нее и улыбаться её прикосновением. Потому что МОЯ! И плевать что

считает её сестрой. Моя она! Я так решил.

Когда дверь за Дариной закрылась, подошёл к Графу, внимательно наблюдавшему за нами, и, схватив его за грудки, прорычал:

– Слушай сюда, Воронов! Я плевать хотел на то, как ты её называешь! Даже если она твоя сестра, я запрещаю тебе притрагиваться к ней, понял?

Я не ожидал, что уже через мгновение этот сучий потрох впечатает меня в стену, схватив за горло рукой и, оскалившись, так же медленно процедит:

– Слушай сюда, Зверина! Дарина моя любимая и единственная сестра, и я убью любого, кто оспорит это! И я плевать хотел на твою одержимую ревность! Я буду обнимать и любить свою сестренку так, как посчитаю нужным. И в следующий раз, если ты, извращенец конченный, позволишь думать о нас с ней в таком контексте...я тебе все кишки выпущу, и ни одна тварь на свете больше не воскресит тебя. Понял?

Схватил его за запястье и прохрипел:

– Твою мать, Воронов! Я никогда не уважал тебя так, как сейчас.

И это было, мать его, абсолютной правдой. Потому что я

чувствовал от него такую ярость в этот момент, которую не чувствовал никогда. И он верил в то, что говорил, он действительно видел в ней только свою сестру.

Воронов удовлетворённо кивнул, убирая руку...а говоря на моем языке, совершая непоправимую ошибку. Я размахнулся и ударил его кулаком в челюсть так, что костяшки пальцев болью обожгло. А этот психованный франт склонился над столом, демонстративно поправив ладонью челюсть, и громко рассмеялся.

Затем рухнул на свой стул и, продолжая смеяться, произнёс:

– Так что тебе уже донёс твой Ищейка?

Сказал таким тоном, будто Ищейка действительно был близок ко мне. Воронов славился своим благородством, а не глупостью.

Я пожал плечами и начал рассказывать о нашем разговоре со Стефаном. О том, как он принёс с собой несколько стопок бумаги, которые оказались договорами, ожидавшими срочного подписания. О том, как спокойно и безучастно Ищейка рассказывал о роли моей компании в европейской системе металлургии и золотодобычи. О том, что моей жене приходилось уже взваливать на себя семейный бизнес, и, более того, что некоторыми делами занималась сугубо она лично. Радич вскользь упомянул о том, что я теперь член этой се-

мы тем самым подтверждая слова Дарины. Правда, крыса очень ловко увела в сторону мой вопрос о родителях жены, сославшись на экстренность некоторых деловых вопросов, не предполагавших задержки. Видимо, это была своеобразная месть за тот разговор в клубе.

О том, что Радич подробно рассказал мне об угрозах спецов и об уничтоженных доказательствах моей вины в убийствах мразоты, пачкающей город, я решил не упоминать. Стеф осторожно заметил, что приказ об изъятии и уничтожении любых улик отдавала именно Дарина.

И пока единственными, кому я начинал доверять, были именно она и Ищейка, но никак не Воронов.

Глава 6

Мне казалось, что я хожу по минному полю вслепую. Я вроде знаю, где могут прятаться эти самые мины, но иногда создается впечатление, что здесь все перезаминировали заново. После приезда брата прошло две недели. Безумно тяжелые и в то же время какие-то невероятные. Я попросила Андрея пока что дать нам это время и так же сдерживать всех остальных от желания увидеться и поговорить с Максимом. По крайней мере, до того момента, когда он хотя бы немного будет к этому готов. Я знала, что это непросто и что дети изнывают от желания хотя бы услышать его. Особенно Марик, который еще не обладал сдержанностью своих брата и сестры. Им было тяжело прятать свои эмоции, каждый раз в наших разговорах я слышала это нетерпение, это искреннее и отчаянное желание увидеть Макса. Но они ждали... Так же, как и я.

Но я так же знала, что очень скоро нам все же будет нужно устроить прием в честь возвращения Максима и показать всем тем, кто так радовался его смерти, что они могут опять попрятаться в свои норы и трусливо трястись от страха, ненависти и зависти. Только к этому времени Ник должен иметь представление обо всем, что происходит сейчас в нашем клане.

Никогда за все то время, что я с Максимом, мы не проводили столько времени вместе. В этом было особое острое удовольствие, и иногда я совершенно забывала о том, что это не тот Макс, который был со мной всегда, что он совершенно другой, и могла взять его за руку или вдруг неожиданно для себя самой прижаться к его плечу в машине. Но он всегда вздрагивал и невольно отстранялся от меня. Я физически чувствовала, как мой муж напрягается изнутри от этих проявлений близости. Они для него настолько неестественны, что ему стоит огромного усилия воли сдерживаться, чтобы не оттолкнуть меня. Нет, я конечно, видела, что он меня хочет. Даже больше — я это чувствовала каждой клеточкой своего тела. О, он умел это показать одним взглядом или намеком. А меня бросало в кипятик от этих потемневших глаз и трепещущих крыльев идеального носа, от подёргивания верхней губы и напряжения в сжатых челюстях. Но если для Максима мои проявления нежности были слишком, то для меня сейчас было слишком всё, что касалось секса с ним. От одной мысли об этом меня одновременно пронизывало и диким бешеным возбуждением, и в то же время настолько сильным внутренним сопротивлением, что последнее заглушало даже едкий и невыносимый голод по его ласкам. Он это чувствовал так же, как я чувствовала его напряжение.

После того диалога в его кабинете, когда я сорвалась вместе с ним и покатила в свою собственную бездну адской

зависимости от его прикосновений и неумолимой, настойчивой похоти, я боялась, чтобы это не повторилось снова. В тот момент я чувствовала, что нужна ему. Необходима, как воздух, как глоток кислорода. Это заглушило доводы разума, и меня рвануло навстречу его порыву в той привычной невыносимой жажде отдать ему всю себя, чтобы заглушить его боль.

И я не забуду собственной реакции на каждое прикосновение. Сколько лет я с этим мужчиной, сколько лет он творил со мной в постели всё, что могут творить двое, когда доверие приобрело космические масштабы, но я ни разу за все эти годы не испытала пресыщения или спада моего ненормального влечения к нему. Мне казалось, оно нарастает, выходит на новый уровень, на запредельную чувствительность и чувственность, которые пробуждал только изменившийся тембр его голоса или потемневший взгляд. Я никогда не знала, что именно меня ждет сегодня в его объятиях. Каким он будет со мной этой ночью или в этот самый момент – опустит вниз на колени, превращая в покорную шлюху, готовую принять от него любую грубость, боль и унижение, которую можно трахать всеми грязными способами; или даст шаткую власть в мои руки и позволит доводить его до озверения, чтобы потом немедленно отобрать контроль; или же будет издевательски нежным. Да, именно издевательски, потому что в нежности этого зверя, когда он одержим желанием, на самом деле ее нет и вовсе – это лишь метод манипуляции и проявления

собственной власти, когда я ору под ним и обливаюсь слезами от каждого легкого прикосновения, а он и не думает дать желанную разрядку, заставляя плакать и умолять, извиваться и ненавидеть его в этот момент так же сильно, как и хотеть получить до конца. Лишь одно оставалось неизменным – я всегда, двадцать четыре часа в сутки чувствовала страсть своего мужа и реагировала на нее мгновенным возбуждением.

Реакция возросла в тысячи раз от моего голода по нему за все это время, от тоски, от отчаяния. Только от первого прикосновения рук к моему телу и жадного рта, впивающегося в мои губы, меня начало лихорадить в адском приступе сумасшедшего желания получить его сейчас... немедленно. Но я рада, что брат помешал, потому что потом я бы себя за это возненавидела.

Может быть, я сошла с ума, но мне казалось, что это было бы изменой моему Максиму с этим чужим и циничным мужчиной, который жаждал мое тело, словно охотник, наметивший добычу и не имеющий возможности её получить в ту же секунду. А когда получит, растерзает, обглодает до костей и вышвырнет за ненадобностью. Потому что этому Максу не нужна моя душа и мое сердце. Он понятия не имеет, насколько сильно сжимает сейчас пальцы, в которых они трепыхаются и истекают кровью по его руке, а он давит и давит, не давая передышки ни на секунду. Сейчас для него это не имеет никакого значения.

И все же Максим начал меняться именно с того разговора. Неуловимо. С каждым днем понемногу. Но я чувствовала, как исчезает лед равнодушия из его глаз. Как в них иногда мелькает то самое тепло, или они внезапно становятся невыносимо мягкими... мучительно, ядовито пронзительными и тянут в себя, тянут на дно. Я почувствовала эти перемены на каком-то ментальном уровне. Словно та самая нить, которая была прошита через нас обоих рваными, уродливыми стежками, натянутая до предела, до адской боли с моей стороны, вдруг ослабила натяжение, и от этого запредельного облегчения щемило сердце.

Большую часть времени мы проводили в офисах компаний, куда ездили, чтобы ввести Макса в курс дела и снова познакомить с работниками и руководством, для которых он был непосредственным начальником.

Конечно, им было совершенно не нужно знать, о том, что их господин и хозяин не помнит ни одного из них. Но Макс справлялся превосходно. Никто ничего не заподозрил или, по крайней мере, если и видели некие странности, они все же были слишком незначительны, чтобы обратить на них пристальное внимание.

Я смотрела через стеклянную стену своего кабинета, как мой муж расхаживает по офису, украдкой поглядывая на своих работников и обращая внимание на надписи на кабинетах, бейджиках служащих. Только я понимала, что он сканирует местность, запоминает, записывает внутри себя. И са-

мое паразитальное – уже не забудет. Иногда я видела, что он растерян и чего то не знает совершенно.

Тогда я торопилась вмешаться и внезапно появлялась рядом. Он бросал на меня раздраженный взгляд, а я выразительно ему улыбалась и просила подняться со мной в кабинет. После очередной подобной выходки он с такой силой сдавил мою руку, что у меня потемнело перед глазами, но я вытерпела, а уже в кабинете крикнула ему:

– Или не срывайся на работниках...или ты можешь оставаться дома. Держи себя в руках.

Тогда он впечатал меня в стену и, оскалившись, прорычал мне в лицо:

– Что за ультиматумы, девочка?! Тебе не кажется, что ты много на себя берешь?

– Не ультиматум, а попытка вернуть тебе тот железный контроль, которым ты обладал раньше. Попытка вернуть того Макса, для которого его положение и достижения в этом мире значили намного больше, чем примитивная ярость. Попытка вернуть того Макса, который умел контролировать любую свою эмоцию.

– Хочешь сказать, что сейчас я не умею этого делать?

Пальцы все также сильно сжимали мое горло, а глаза полыхали. Я понимала, что перегнула палку, что попыталась диктовать ему условия, но отступить нельзя. Медленно выдохнула:

– Ты всегда умел это делать.

Накрыла его запястье ладонью. Но не сжала. А, глядя в глаза, прошептала.

– Я хочу, чтобы ты вернулся к нам. Невыносимо хочу, чтобы ты не потерял ничего из того, что тебе принадлежит по праву и достигнуто адским трудом и годами ожиданий.

– Я никогда не теряю то, что принадлежит мне.

Ослабил хватку, продолжая смотреть мне в глаза.

– Все здесь твое. Этот бизнес, эти офисы, эта жизнь, которой раньше у тебя не было. Всего этого ты добился сам...

– И ты, – самоуверенно сказал он, – верно?

– И я, – ответила и провела пальцами по его запястью, – Разве твоя злость и привычка не отказывать себе ни в чем стоят того, чтобы этого лишиться?

– А кто сказал, что все это мне нужно сейчас?

Ударил. Больно ударил. Так, что перехватило дыхание, и я медленно закрыла глаза. Я выдержу. Должна выдержать. Этот далеко не последний. Будут еще. Будут удары намного сильнее этого.

– Спецслужбы идут по твоему следу. Идут с маниакальным упорством. Это будет крах всей нашей семьи. Да, я приказала уничтожить все улики, стереть все данные, замести все следы, но это не значит, что они ничего не найдут. Это не значит, что я смогу и успею замести эти следы снова... Это не значит, что я захочу их замести снова.

Распахнула глаза и встретила с его сверкающим взгля-

дом.

– Ради чего замела? Ради семейства своего? – усмехнулся, а в глазах уверенность в своей правоте такая, что хочется её пощёчиной стереть, – Испугалась положения лишиться?

Тяжело дыша, стиснула челюсти, рывком сбросила его руку со своего горла. Я сжала пальцы в кулаки, а он с насмешкой смотрел на меня.

– Ненависть, девочка? Да, когда кто-то угадывает твои искренние намерения, это дьявольски злит. Какая же ты честная сейчас. И куда только девалась вся любовь?

Вцепилась в его рубашку и дернула Макса к себе.

– Ради того, чтобы тебя не сцапали. Ради того, чтобы я не сдохла от тоски по тебе после того, как это случится.

– А ты бы сдохла от тоски? – впечатал обратно в стену, с поразительной легкостью, выкрутив мне руки за спину. Опустил взгляд на мои губы и снова посмотрел мне в глаза, и опять это головокружительное падение в высоту его грозового неба, которое отражается в насыщенно синем взгляде.

– Да...я и подыхала от нее все это время, пока тебя не было. – и вздрогнуть, когда это небо пронизало всполохами и зигзагами страсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.